важный вопрос. При положительном ответе алмаз, помещенный в центре, сверкал ярким светом. Если Бог отвергал вопрос, камень оставался неизменен. При военной опасности алмаз становился кровав, при смертельной — чернел.

[3] Дается историческое и символическое толкование древнееврейского музыкального инструмента, ветхозветной книги и человека, который, как вибрирующий псалтырь, должен возносить в псалмах хвалу Творцу, его создавшему.

[4] Объясняется полисемантизм термина «страсти» в славянском языке.

[5] Афина Паллада — богиня мудрости, покровительница Афин, связывается с философией через занятный термин «философица».

[6] Вполне корректное объяснение происхождения термина «стоики» от греческого στά — портик, колоннада.

[7] Проводится различение людей по типу поведения: преподобный — тот, кто всем за зло воздает добром; праведный — отвечает людям той же мерой; плотский — готов ради корысти всем приносить зло, но по отношению к себе не терпит ни малейшей обиды.

[8] Под невидимым миром подразумеваются ангелы. Человек же двояк: как телесное существо — видим, как духовное — не видим.

[9] Указывается на врачующий душу характер одной из популярных книг средневековья.

[10] Символически истолковывается образ орла в Ветхом Завете. Орел в первом эпизоде испытывает птенца, после чего крепкого питает, а слабого оставляет. Господь призывает «быть крепкими духом и постоянно усиливаться». Во втором — истолковывается поведение орла, носящего на своих крыльях птенца и первым принимающим пущенные стрелы, так и Христос за людей пострадал, в защитил их собою от зла мира.

# РАННЯЯ ЛОГИКА И ДИАЛЕКТИКА ГЕГЕЛЯ ОТРЫВОК ИЗ ВНОВЬ НАЙДЕННОЙ ЗАПИСИ ЛЕКЦИИ ГЕГЕЛЯ 1801/02 г. С ВВЕДЕНИЕМ И ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ ПРОФЕССОРА К. ДЮЗИНГА (ФРГ) *

## I. ВВЕДЕНИЕ

1. Спекулятивная логика Гегеля и его теория диалектического мышления возникли не только благодаря «революционному преобразованию» традиционной формальной и кантовской трансцендентальной логики, а также соответствующих им теорий мышления. Скорее можно утверждать, что в мыслительном развитии Гегеля сначала имели место три основополагающих порыва, которые

* Видный западногерманский историк философии профессор Клаус Дюзинг (K. Düsing) родился 3.9.1940; учился в университетах Кёльна и Цюриха. Окончил Кёльнский университет по специальности «философия». В 1975 г. в Бохумском университете защитил диссертацию. Работал в Архиве Гегеля в Бохуме (1967—1977), был профессором философского семинара в Бохумском университете (1977—1980), профессором университета в Зигене (1980—1983). С 1983 г. по настоящее время является профессором и директором Философского семинара и Гуссерлевского архива при Кёльнском университете.

Основные произведения К. Дюзинга:

Die Theologie in Kants Weltbegriff. 2. erweitrete Auflage. Kant-Studien. Ergan-

привели к его известной спекулятивной концепции. И первый из них совершился во франкфуртский период (1797—1800), когда Гегель отошел от своей ранней кантианской позиции. Рассудок, или конечное мышление, по Гегелю, неизбежно запутывается в противоречиях, когда пытается схватить в мысли бесконечное; и уже здесь конечное рассматривается как не имеющее абсолютного значения. Правда, согласно тогдашней, ранней идеалистической концепции Гегеля, бесконечное нельзя познать, а можно лишь чувствовать, схватывая его в некоем порыве энтузиазма или созерцая мистическим образом. Второй поворот, происшедший во взглядах Гегеля во время переезда из Франкфурта в Иену (1800/1801), воплощается в новой концепции, в соответствии с которой бесконечное и абсолютное полностью познаваемо разумом; экспликация же чистых определений конечного мышления в логике представляет собой систематическое и необходимое введение к такому познанию. Впервые у Гегеля внутри этой логики возникает концепция диалектического мышления. Она, однако, остается еще негативной и апеллирует к более высокой познавательной способности, а именно к интеллектуальному созерцанию, к которому человек, согласно гегелевскому пониманию, противопоставляемому кантовскому, вполне способен и в котором абсолют представлен в качестве абсолютно тождественного. Третий поворотный пункт в гегелевском мышлении выразился в наброске системы 1804/1805 гг.; в «Феноменологии духа» 1807 г. уже ясно изложена новая, внутренне последовательная концепция. Гегель устраняет дихотомию конечного мышления, или рефлексии, с одной стороны, и интеллектуального созерцания, с другой стороны; она уступает место единому разумному познанию. В результате становится возможным и объяснение противоречия конечных определений, и изображение основополагающего абсолютного тождества, причем это происходит в процессе развертывания единой методологической аргументации, а именно в развертывании спекулятивной диалектики. Последняя одновременно содержит в себе отрицание отрицания и позитивный результат противоречия. Итогом этой новой методологической концепции становится то, что системное разделение логики и метафизики, по воле Гегеля, уступает место логике, которая одновременно есть онтология и онтотеология. И вот только после ряда упомянутых поворотов склады-

zungsheft 96. Bonn, 1986, Das Problem der Subjektivitat in Hegels Logik. 2. erweiterte Auflage. Hegel-Studien. Beiheft 15. Bonn, 1984; Hegel und die Geshichte der Philosophie. Darmstadt, 1983, Shellings und Hegels erste absolute Metaphysik (1801/1802) Köln, 1988; Hegel: Gesammelte Werke. Bd 6. Herausgegeben von K. Düsing und H. Kimmerle. Hamburg, 1975 (historisch-kritische Edition).

Проф. К. Дюзинг в качестве члена Международного гегелевского объединения участвовал в Московском симпозиуме (1980), в совместных публикациях Объединения и Института философии АН СССР (см. его статью в книге «Философия Гегеля; проблемы диалектики». М., 1987).

Публикуемая здесь статья написана проф. К. Дюзингом специально для «Историко-философского ежегодника».

вается более поздняя и хорошо известная форма спекулятивной логики и спекулятивной диалектики Гегеля [1].

Рассмотрев эти повороты и их основания, мы сможем лучше понять мотивы, приведшие Гегеля к спекулятивной логике и диалектике. И особое значение имеет здесь второй основополагающий поворот, который привел к той концепции логики и диалектики, а также абсолютной метафизики, с точки зрения которой абсолют, согласно Гегелю, может быть полностью, без ограничений познан и раскрыт разумом. Уже во франкфуртских фрагментах Гегеля содержатся логические построения и изложение антиномий конечных определений, принадлежащих конечному же мышлению, или рефлексии. В ранней иенской логике данные определения и их отношения будут развиты систематически исходя из одного, лежащего в основании, методологического принципа — и все это будет пониматься как систематическое введение в метафизику. Решающий поворот, правда, осуществлен благодаря новой гегелевской концепции абсолютной метафизики. Две причины должны были побудить его к этому — если, конечно, не считать рассматриваемый поворот результатом внешнего влияния, например, со стороны Шеллинга, что и с исторической и с систематической точек зрения недоказуемо [2]. В раннеидеалистическом франкфуртском подходе как раз религии придается более широкое значение, чем философии. Но, во-первых, для Гегеля бесконечный божественный дух наличен и в конечном духе, ибо открывается последнему; бесконечный дух имеет в себе дух конечный и ломает все его ограничения. Итак, конечный дух не чужд, а по самому существу родствен божественному духу. При этом становится возможным выход за рамки раннеидеалистического тезиса о непознаваемости абсолюта, или божественного духа. Во-вторых, пусть Гегель в своих поздних франкфуртских фрагментах и провозглашает, что говорить о божественном позволительно только с «воодушевлением» или «мистически»; но ведь его собственный способ высказываться о божестве — это теоретические экспликации в форме рефлексивных выражений или понятий. Если этим теоретическим, понятийным высказываниям Гегеля и должно быть присуще какое-то значение истины, то конечной рефлексии и ее определениям следует придать конститутивную (хотя и подчиненную) значимость в деле обнаружения очевидности религиозного содержания. Одновременно Гегель — во имя выполнения своих интенций — даже счел *необходимым* и последовательным шагом освобождение от раннеидеалистического замысла и обоснование метафизики как познания абсолютного и божественного, познания, осуществляемого через синтез рефлексии и интеллектуального созерцания. Предпосылкой для этого последовательного движения является желание Гегеля ухватить религиозное содержание, т. е. осмыслить наличие бесконечного духа в духе конечном.

2. Такой новый подход к логике и метафизике был представлен Гегелем во время первого его семестра в Иенском университете (зимний семестр 1801/1802 гг.), в курсе лекций, который, согласно

объявлению, назывался «Logicam et Metaphysicam» (О логике и метафизике) [3]. До сих пор из содержания этих лекций известны были только собственные гегелевские тексты — введение и развернутый план (Übersicht), которые сейчас существуют в виде оригинальной рукописи, найденной в 1975 г., но в качестве некоторых отрывков и извлечений были перепечатаны еще Розенкранцем в его биографии Гегеля [4]; имеется также краткое уведомление для слушателей, которое Гегель написал в связи с началом лекций 26 октября 1801 г.[5] Из этих рукописей Гегеля можно понять цели лекций и их членение. Однако только запись лекции, которую сделал И. П. В. Трокслер, дает представление о структуре содержания в ранней гегелевской логике. Запись показывает, что эта логика содержит учение о категориях, которое во многих отношениях еще ориентировано на кантовскую таблицу категорий; далее, из записи впервые можно извлечь принцип систематического построения категорий, а также и метод этой логики; запись показывает также, что Гегель с самого начала пытался обосновать свою первую концепцию абсолютной метафизики при размежевании с прежней метафизикой и с кантовской критикой метафизики. Хотя запись является конспективной и потому краткой, по данным вопросам имеется достаточная ясность. Это вообще первая из открытых до сих пор записей, которая связана с иенским периодом развития Гегеля; она относится к самым ранним этапам его деятельности в качестве лектора. При сравнении отдельных частей записи с соответствующими по содержанию сочинениями Гегеля того же времени обнаруживается такая согласованность, которая позволяет в определенной степени признать, что Трокслер записывал лекции с пониманием дела [6]. Однако запись содержит и некоторые пробелы.

Гегель, подготавливая переезд в Иену, в своем известном письме к Шеллингу от 2 ноября 1800 г. сообщает, что его «идеал юношеских лет» не мог не превратиться «в форму рефлексии, а одновременно — в некоторую систему» [7]. Он располагает теперь по крайней мере концепцией системы; и он хотел бы благодаря активному включению в университетскую жизнь обрести для себя соответствующий круг общения и деятельности. В январе 1801 г. Гегель переезжает в Иену. Иенский университет только что пережил сильнейшие потрясения из-за спора об атеизме, приведшего к изгнанию Фихте из Иены. В Иену прибыли новые университетские преподаватели — например, приехали (друг за другом) братья Шлегели и вместе с ними — представители кружка романтиков. Но прежде всего надо сказать о Шеллинге, который вскоре вызвал наибольший восторг у слушателей, и эта аура восходящего, подобно комете, молодого гения была еще более усилена благосклонностью Гёте. Несмотря на свою молодость Шеллинг прямотаки вызывал поклонение. Г. Х. Шуберт, соученик и друг Трокслера, писал: присутствие на докладе Шеллинга пробудило такое настроение, «будто я. . . слышу *Данте*, провидящего потусторонний мир, открытый только глазу святого» [8]. Именно Шеллингом был

введен в университет Гегель, который пока еще почти ничего не опубликовал. Шеллинг, очевидно, возлагал на Гегеля большие надежды; он предусмотрительно озаботился о габилитации Гегеля; далее, в зимний семестр 1801/1802 гг. он вел вместе с Гегелем «Disputatorium», чтобы облегчить ему, в то время еще совершенно неизвестному философу, вхождение в академическую деятельность. Он стал издавать вместе с Гегелем «Критический журнал», в который сам писал статьи, не подписывая их, чтобы авторство не было точно обозначено. Гегель отблагодарил Шеллинга за это доверие не один раз проявленной личной преданностью — и чрезвычайно возросшей писательской продуктивностью.

Начало же собственно лекционной деятельности Гегеля в Иене было отмечено глубокими неуспехами и разочарованиями. Лекции по логике и метафизике 1801/02 г., сокращенный вариант которых содержит вновь обнаруженная запись, должны были, по всей вероятности, прекратиться из-за недостатка слушателей, о чем можно судить по более поздним высказываниям Трокслера. В связи со смертью Фридриха Шлоссера, племянника Гёте, Трокслер писал Варнхагену фон Энзе (12.3.1851): «Шлоссер также был слушателем Гегеля — слушателем того первого лекционного курса, который, однако, скоро прервался» [9]. Имеются в виду именно первые гегелевские лекции по логике и метафизике, что следует и из жизнеописания Трокслера, опубликованного в газете Бернского союза от 14 и 15. 4. 1853 г. (а оно было составлено на основе данных, предоставленных самим Трокслером): «В то время появился Гегель и начал читать лекции о логике, но курс прервался, ибо лишь немногие, подобно Фр. Шлоссеру и Трокслеру, были способны следить за мыслью лектора. Для них Гегель затем читал курс приватно» [10]. Запись Трокслера могла содержать отрывки из курса, который Гегель продолжал читать приватно — но они уже относились не к объявленной первоначально теме метафизики. О летнем семестре 1802 г. Розенкранц (чьи данные, правда, не всегда заслуживают доверия) сообщает, что Гегель вообще не читал лекций [11]; и в следующем, зимнем семестре (1802/03), как явствует из сообщения обучавшегося в Иене англичанина Генри Крэбба Робинсона, Гегель так и «не прочитал свои объявленные лекции» [12]. Возможно, имелись в виду оба объявленных курса; но по крайней мере один из них — или курс по логике и метафизике, или курс о естественном праве — не состоялся. Мы не располагаем никакими свидетельствами о том, читал ли Гегель в эти первые его иенские семестры какие-либо полные курсы лекций [13]. Но пусть и остается открытым вопрос о том, сколько гегелевских лекций было прервано или вообще не состоялось, — ясно, что эти неудачи печальным контрастом оттеняют бесспорный блестящий успех Шеллинга, более молодого соученика Гегеля и его покровителя.

Причина неуспеха Гегеля заключена преимущественно в стиле его устных выступлений. Веймарские классики Гёте и Шиллер

знали об этом; в их переписке есть и размышления о том, как бы помочь беде. Гёте, с которым Гегель, должно быть, познакомился 21. 10. 1801 г.[14], несмотря на заступничество Шиллера даже и потом остался невысокого мнения о стиле лекций Гегеля [15]. Яркое и почти исполненное сострадания описание дает Г. К. Робинсон: «Бедного Гегеля я слышал однажды. Вы не можете представить себе ничего в большей мере достойного сожаления, чем его выступление. Он кашлял и откашливался, запинался, вряд ли мог выговорить четко два предложения» [16]. Гегель знал о проблемах своего лекционного стиля, что известно из его письма Фромману от 14. 4. 1816, но вряд ли за верным диагнозом последовала необходимая терапия, если судить по сообщениям о том, как он читал лекции уже в Берлине [17].

Из лекций Гегеля по логике и метафизике зимнего семестра 1801/02 г., которые должны были прерваться, далее будет дан отрывок, который целиком содержит учение о категориях. Это центральная часть логики, как она записана Трокслером; она дает наилучшее разъяснение существенного содержания, а также систематики и метода ранней логики Гегеля. Отрывок содержит страницы 6—9 оригинальной рукописи (пагинация издателя) без критического текстологического аппарата, который в основном ограничивается языковыми замечениями [18].

## II. ГЛАВНЫЕ ИДЕИ ЛЕКЦИЙ ГЕГЕЛЯ О ЛОГИКЕ И МЕТАФИЗИКЕ 1801/02 (ОТРЫВОК ИЗ КОНСПЕКТИВНОЙ ЗАПИСИ И. П. В. ТРОКСЛЕРА) *

Теперь Гегель переходит к рассмотрению тождества
и не-тождества — бытия и познавания (des Erkennens).
Чистое бытие (бытие (не абсолют), которое для нас
возникает только благодаря негации одной противополож-
ности) может быть рассмотрено или как целое, само по се-
бе самостоятельное, или как самостоятельная часть. Та-
ковое понимание есть взгляд рассудка, согласно которо-
му объективное распадается на определения. Рассудок
уже давно поставил вопрос о том, каково бытие вещи-в-себе
и в результате, на что указывает критическая философия,
пришел к познанию, согласно которому
форма ее бытия — не объективная,
а только субъективная. И тогда возникло
понятие неопределенного
(материи, способной ко всяким определениям)
и обусловленного познавания. Абсолютное
(неистинное) возникало в противовес этому,
и таким образом не было возможным никакое тождество,
а уж вследствие этого — никакое познание
вещи-в-себе, ибо ведь предполагалось, что только благодаря

* В дальнейшем в переводе (по возможности) сохранялись расположения строчек и пометки на полях оригинала. (Примеч. перев.).

(одному) обусловленному можно рассматривать (другое)+
обусловленное. В результате в этом видят настоятель-
ность (Fodrung) единственного взгляда, от которого,
правда, нельзя отделить ни определения, ни определенности.

В качестве определенностей выступают, следовательно,
категории: качество, количество,
отношение.

Качество. В противоположности к нему
(выступает) абсолютное, но оно исключается,
благодаря чему качество достигает тождества.
Оно всегда остается в себе конечным,
хотя в рефлексии оно
полагает себя как бесконечное — благодаря тому,
что полагает себя на место абсолютного;
качество снова пытается отождествить себя с абсолютным
и тем способом, что разделяет себя на бесконечное число степеней.
Эти степени, однако, не определяют никакого
различия объективного. Поскольку они не
имеются в разуме, они не смогут
сохраняться в качестве измерений в науках. И чем дальше
они будут развиваться на этих путях,
тем быстрее они разрушат сами себя.

22—0085

Реальность
Отрицание
Ограничение

Количество также есть чистое
не-тождество. Оно есть или
бесконечное полагание, и именно вследствие этого снимает
само себя, или полагание одного отдельного в
противоположность другому отдельному, и следовательно,
как тождественное оно есть ничто. Количество есть ничто
как объективное, потому что материя не аффицирована
благодаря ему. Измерение (размерность) количества
во-вне уходит в бесконечность, измерение во-внутрь
существует только благодаря дифференцированию —
впрочем, как и первое, но только в соотносительных степенях.
Количество полностью подпадает под рефлексию
и выражается через систему чисел.
Это — только бесконечная повторяемость
единого. Как с этим соотносится число 10,
неизвестно, хотя представляется, что в этом заключается единый
масштаб.
Пифагорейцы также пытались исследовать (утвердить) эту
форму разума.

Единство
Множество

В рамках отношения требуется, чтобы
качество было положено в количестве.
Но тождество, которое при этом возникает, не является, однако,
реальным в том случае, когда
благодаря такому полаганию с необходимостью
возникает нечто противоположное.
При этом в рефлексии нам открывается
понятие субстанциальности вместе с понятием
акцидентальности. Они не могут быть отождествлены.
Одно — это действительное,
другое — возможное. В-себе — это то, что остается
вечным, возникает и остается непреходящим;
а то, что является нам, есть акциденция —
вне момента своего бытия она только возможна.
— В есть ничто иное, как А
только при условии и постольку, поскольку А=А.

Закон каузальности не содержит никакого
другого основания, кроме этого.
Здесь одно отдельное мыслится как причина,

а другое — как испытывание ее воздействия; возникает их отношение
и следование одного за другим. В себе это, однако,
ничтожно, ибо причины может также
и не быть, если непосредственно и
одновременно с нею нет действия.

Но действие и причина
различны таким образом, что никогда не могут
переходить друг в друга, пока они мыслятся в рамках
каузального отношения.

Во взаимодействии они, однако,
идентифицируются, и то, что есть причина, есть также
и действие и т. д., ибо ведь бесконечный
ряд причин возвращается сам в себя и, сохраняясь,
есть один и тот же и т. д.
Еще некоторые диалектические замечания.

Рефлексия вместе с каждым определенным нечто — Рекапитуляция
полагает и две противоположности, а затем пытается
их снова синтезировать. Благодаря этому рефлексия
выражает устремление разума,
но она остается запутанной из-за того, что
не признает ничтожности противоположностей
и их синтеза в противоречия.
Это под силу одному только разуму, когда он
устанавливает абсолютно тождественное. При анализе
форм конечного, или
рефлексии, мы должны рассматривать в качестве ее высших
абстракций две частные нетождественности,
Я и не-Я. До сих пор мы полагали — 22—0086
материю как безразличное между тождественным и нетождественным
и как синтез обоих.

Так возникают перед нами сила притяжения и отталкивания
и первое понятие целого и
части. — Оба есть одно и то же
в себе, а возникают в качестве различного
только тогда, когда их хочет схватить рефлексия.
Далее: тождество и нетождество, однако,
вне отношения друг к другу суть пространство и время,
точка и линия; в первом случае бесконечное положено вне себя,
во втором — положено внутри себя. — Каждая точка
или каждая отдельная часть этой линии предстает
рефлексии как тождественная, и рефлексия обозначает их
в бесконечном как имеющиеся «до» и «после». —

Третье противопоставление — качество и
количество, первое как тождественное, второе — как
нетождественное, с привлечением субстанциальности и каузальности,
их синтеза в виде отношения или взаимодействия.
— То, что тут эти формы рефлексии предстают как
части, как несовершенные, покоится
на следующем:
целое — а оно является предпосылкой —
в рефлексии разорвано.
Всякая определенность обоснована благодаря тому,
что она порождается в процессе полагания, противополагания
и отношения (Beziehen). В нашем
предшествующем рассмотрении мы выбрали тождество
и нетождество как выражения, которые
обозначают не нечто определенное, но
— подобно тому, как числа служат для арифметических надобностей
— они предстают перед нами только в качестве
высших абстракций.

# III. ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕЙ ЛОГИКИ И ДИАЛЕКТИКИ ГЕГЕЛЯ

## a. КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА РАННЕЙ ЛОГИКИ

Ранняя гегелевская логика не является спекулятивной; напротив, она имеет значение систематического введения в метафизику; только последняя и представляет собой науку об абсолюте. Это значение ранней логики сближает ее со значением «Феноменологии духа» (1807), которая является систематическим введением в спекулятивную науку и одновременно служит оправданию абсолютного знания, противополагаемого всяким другим способам принимать что-либо за истину.

Эту задачу, быть введением в метафизику, ранняя логика выполняет благодаря тому, что она систематически развивает определения, имманентные конечной рефлексии или мышлению конечного Я, обнаруживает антиномичный характер отношения этих конечных определений друг к другу и устраняет препятствия, которые ставит спекулятивному мышлению изолированная конечная рефлексия [19]. Антиномичное отношение (Verhältnis) * и вследствие этого противоречие конечных определений в их отношении друг к другу (поскольку они касаются одного и того же нечто, но без различения его аспектов) снимает значимость таких определений, а вместе с этим снимает также познавательную претензию конечной рефлексии. Конечная рефлексия, которая схватывает самую себя в процессе перехода ее чистых определений в логике, достигает уровня такой парадоксии, что она в конце концов снимает самое себя в своей претензии на познание и истину. Эта парадоксия конечного мышления уже является, согласно Гегелю, знаком присутствия бесконечного в его негативном значении; тем самым рефлексия и сфера только вводной логики оказываются преодоленными.

Эта логика, согласно написанным самим Гегелем обзорам своих лекций и согласно записям Трокслера, однозначно отлична от метафизики тем, что она есть только систематическое введение в метафизику [20]. Однако логические формы могут быть также подчиненными составными частями метафизики и системы, поскольку для научной экспликации абсолютного требуется, согласно тогдашнему пониманию Гегеля, синтез интеллектуального созерцания и рефлексии. Правда, логика при этом не считается наукой, которую следует развивать в качестве самостоятельной, а рассматривается как интегральный, подчиненный момент экспликации

* Для понимания статьи читателю следует учитывать, что здесь, как и в текстах классиков философии, встречаются различные немецкие слова, которые в переводе передаются словом «отношение». Оттенки их смысла в данном философском контексте относительно различны. «Verhältnis» — отношения между конечными определениями рассудка (например, качества и количества). Beziehung — взаимоотношение, отношение друг к другу (благодаря синтезу). Relation — у Канта, здесь и у Гегеля: обозначение категориальной группы «отношения». (Примеч. перев.).

системы. И как раз в связи с проблемой субординации логики внимание привлечено к ложным системам метафизики [21], в которых такое подчинение осуществлено неадекватно.

Структура ранней логики как систематического введения, которое должно быть развито для себя и в котором должна быть развита ей свойственная связь, выглядит совершенно по-разному в собственном гегелевском подробном обзоре и в записи Трокслера [22]. Сам Гегель в двух случаях разделяет логику на разделы — в соответствии с содержательным подходом: 1. систематическое развитие форм или категорий конечного; 2. изложение «субъективных форм конечного» в понятии, суждении и умозаключении, с помощью которых рассудок пытается «подражать» тождеству разума, но достигает только относительного тождества; 3. снятие конечных определений разумом; при этом снятии, согласно первой габилитационной работе Гегеля, противоречию придается значение правила истины [23], и именно постольку оно несет с собой уничтожение соответствующих претензий конечного. Здесь обнаруживается негативная сила бесконечного, заключенная и в конечном рассудочном мышлении; она облегчает Гегелю переход к метафизике, которая сама, правда, может быть позитивно эксплицирована только с привлечением новой, более высокой познавательной способности, интеллектуального созерцания. Согласно записи Трокслера, Гегель в устном изложении, напротив, явно предпочел чисто методическое тройственное членение. В соответствии с ним логика включает 1. аналитическую, 2. синтетическую части и, в отклонение от этого — возможно, чтобы подчеркнуть новаторский ее характер, — 3. диалектическую часть [24]. Это методическое тройственное членение не согласуется с упомянутым раньше тройственным содержательным разделением. Оно, очевидно, имеет значимость для развития всех частных определений конечной рефлексии и ее связи в логике, так что методические частичные шаги касаются и всех содержательных частей логики. Смысл «диалектического» в записи Трокслера, правда, не определяется более точно. Но так как воспроизводимое им методическое членение идет, конечно, от Гегеля, то можно заключить, что так же обстоит дело и со значением, придаваемым «диалектическому».

Это упоминание о диалектическом в рамках методического расчленения и отводимое ему место внутри учения о категориях ранней логики — насколько нам до сих пор известно — принадлежат к самым ранним попыткам применения слова «диалектический», в его тогдашнем гегелевском смысле, который сам может быть освещен только благодаря привлечению первых письменных разъяснений Гегеля 1802 г. о диалектике, что и будет сделано далее.

Гегель, идя вслед за Фихте и Шеллингом, тоже критикует Канта за то, что он не дал никакого систематического выведения или развития категорий; позднее Гегель многократно и резко повторит тот упрек, что Кант выстраивает категории только соответственно формам суждения, заимствовав последние в качестве данностей из известной ему формальной логики [25]. Такое впечатление складывалось на основе опубликованных работ Канта. Идеалисты могли не знать, что Кант в некоторых своих размышлениях и письмах набросал в основных чертах систему развития форм суждения, а благодаря этому — и категорий.

Гегелевская критика в адрес Канта одновременно является ориентиром и для его собственного понимания развития категорий. В своих лекциях по логике и метафизике 1801/02 г. он заявил (о чем мы можем судить по его собственному подробному рукописному обзору), что «формы конечного», а именно категории «он хочет не нагромождать эмпирически, а развивать так, как они выступают из разума» [26]. Но для подобного систематического развертывания требовался руководящий принцип. Таковым является для Гегеля, что мы впервые узнаем из записи лекций, упорядоченное следование друг за другом полагания какой-либо мысли в процессе определения тождества, противополагания другой мысли в процессе определения не-тождества и синтеза как отношения (Beziehung) обоих друг к другу. «Всякая определенность, — сказано в записи лекций, — обоснована благодаря тому, что она порождается в процессе полагания, противополагания и установления отношения (Beziehen) [27]. Этот принцип имеет значение для конституции каждой отдельной категории, которая в ее определенном значении может быть только положена, в то время как другая — ей логически противуположена, отличена от первой; а далее обе приводятся в отношение друг к другу. Это сохраняет значение также для всякой триады категорий внутри какой-либо группы, например для реальности, отрицания и ограничения — внутри качества. Это имеет значимость и для общего структурирования учения о категориях в категориальные группы — такие, как качество, количество и отношение (Relation). Модальность уже в ранней логике Гегеля — как и в его более поздней логике — интегрирована в категорию отношения (Relation). Систематическим основанием для этого могло быть стремление сохранить троичность и в результате всеобщий принцип следования друг за другом в развитии категорий.

Этот сложный принцип следования — а именно: полагания, противополагания и синтеза — при руководящем учете тождества, не-тождества и отношения (Relation) с полной очевидностью был инспирирован Фихте, его «Основой наукоучения» 1794—1795 гг. У Фихте он характеризует изначальный способ действия Я и вытекающие отсюда логические основополагающие определения. Гегель меняет толкование: это Я становится субъектом конеч-

ной рефлексии. Так фихтевский теоретический идеализм, к которому Гегель причисляет первое из трех главных положений этой «Основы...» 1794—1795 гг., становится чистой логикой конечной рефлексии или конечного Я [28]. Хотя принцип следования развития категорий в ранней гегелевской логике полностью подсказан взглядами Фихте, есть и два принципиальных различия между Фихте и Гегелем. Во-первых, для Фихте — при том, что синтез, как правило, позволяет сохраняться противоположностям, — основополагающей способностью теоретической субъективности является способность воображения, которая объединяет в себе противоположности как противоположности. Напротив, для Гегеля в его ранней логике противоположности сохраняются по принципиальным соображениям, так что конечная рефлексия с ее претензией на значимость в конце концов сама снимает себя; в метафизике она снимается в высшем, именно спекулятивном познании, превращаясь в его подчиненный момент. Во-вторых, Фихте пытается развить первоначальные виды деятельности субъективности в критико-трансцендентальном идеализме как основополагающей науке — а уже отсюда вывести, в качестве абстрактных продуктов, прежде всего определения и законы формальной логики. Но в итоге возникал (логический) круг: логические формы и законы должны были выступить в качестве значимых предпосылок для научной экспликации обосновывающей науки; но их же следовало впервые вывести из этой науки. Гегель — как ранее Кант — преодолевает эту трудность тем, что задумывает экспликацию трансцендентальной основополагающей науки, т. е. экспликацию чистых определений Я одновременно и в качестве логики.

Прежде чем затронуть собственно учение о категориях, нужно пояснить, как возможно, что даже смысл первой категории — определенности мышления, которой одновременно присуще онтологическое значение, — не постулируется, но выводится и развивается. Гегель выдвигает в-себе простые моменты, которые еще не являются категориями, но конституируют первые категории и категориальные группы. Само их выведение уже принадлежит к сфере логики. Чистая логика в раннем наброске 1801/02 г. начинается как раз с «чистого бытия». Внутри логики рассудка, или конечной рефлексии, оно, однако, еще не может быть абсолютом, а вот, согласно более поздней интерпретации Гегеля, единое бытие Парменида должно пониматься как абсолютное. Для рассудка же бытие распадается в дальнейшем понятийном развитии на множество определенностей. Бытие как таковое должно мыслиться рассудком как определенность вообще. Негативное его соответствие (что, очевидно, в процессе записи было терминологически неясно Трокслеру) — это чистое неопределенное (das reine Unbestimmte), с помощью которого в аристотелевской традиции мыслили о материи [29]. Из анализа параллельных мест, имеющихся в работе «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга» (1801), вытекает, что это «неопределенное», по Гегелю, есть «ничто для рассудка»; рассудок пытается таким способом «удер-

жать бытие в противовес столь же необходимому небытию»[30] — именно удержать определенное, которое в себе может быть многообразным в противовес неопределенному. Итак, чистая логика и в раннем наброске Гегеля совершенно очевидно начинается с бытия, или определенного, и с ничто, или неопределенного, как простейших мыслей рассудка; их объединение и оказывается специфическими определениями рассудка, категориями. Но как именно качество и особенно реальность должны быть выведены в виде начала учения о категориях в собственном смысле — это из записи Трокслера остается неясным.

В не дошедшем до нас начале логики 1804/05 Иенского системного наброска II — а реконструировать его можно идя к началу от уже известного — бытие и ничто тоже положены. Но в то время как бытие и ничто в ранней логике (1801/02) однозначно различимы по содержанию, они даже противопоставлены друг другу как определенное и неопределенное, — в последующей версии логики (1804/05) они становятся пустыми, простыми неопределенностями [11], что имеет место и позже, в «Науке логики». Противопоставление бытия и ничто как чистых мыслей по содержанию тогда уже не освещается сколько-нибудь ясно. Постольку начало ранней логики служит для выявления трудностей проблемы начала в более поздней спекулятивной логике.

В то время как Гегель ориентируется — в отношении сложного принципа систематического развертывания категорий — на работу Фихте «Основа наукоучения», в содержательном изложении категорий он, с некоторыми модификациями, следует кантовскому учению о категориях [32]. Правда, в отличие от Канта Гегель начинает с качества. Иначе чем Кант, Гегель интегрирует, как было упомянуто, определения модальности в категории отношения (Relation). Оба отступления от Канта Гегель сохранит и впоследствии.

В ранней логике Гегель прежде всего развивает категории качества. Качество понимается как простое рассудочное понятие, которое не ухватывает абсолютного и которое положено под углом зрения тождества. Всякое качественно определенное благодаря этому надо мыслить как тождественное самому себе. Далее, оно является в самом себе простым, не имеет в себе никаких отношений. Качество обозначает, следовательно, простое тождество с собой, что Гегель разъяснит в следующем варианте логики 1804—1805 гг. Конечная рефлексия так и не схватывает абсолют; но она пытается, по Гегелю, ему подражать, что происходит именно внутри качества благодаря устремляющимся в бесконечность степеням, с которыми соотносится интенсивность того или иного качества [33]. Но в результате рефлексия попадает в дурную бесконечность.

В качестве категорий качества Гегель называет те же, что и Кант: реальность, отрицание (Negation) и ограничение. Им же следует Фихте в работе «Основа наукоучения» 1794—1795; из данного произведения легко можно усмотреть подчинение этих категорий упомянутым методологическим действиям. Реаль-

ность — продукт полагания, качественное отрицание — продукт противополагания, а отграничение, или граница, — продукт синтеза, или установления отношения (des Beziehens) обоих друг к другу. Все это совершенно очевидно положено Гегелем в основу; так категории качества и могут быть систематически развиты.

В качестве второй группы Гегель развертывает категории количества. Количество, согласно Гегелю, положено под углом зрения определения нетождества и благодаря этому противопоставлено тождеству как углу зрения, под которым рассмотрено качество. Следовательно, определения количества как бескачественные определения нетождественны и являются продуктами противополагания. Они, правда, являются также и продуктами полагания; во-первых, «бесконечного полагания», которое, очевидно, есть продолжающийся прогресс в дурную бесконечность «и так далее» (Und-so-weiter); во-вторых, полагания нумерического одного в противовес другим внутри множества (Vielheit oder Menge). Количественное различие определений остается несущественным различием; оно также не касается материи в природе, которая, как сказал Кант, «в целом остается все той же, не увеличиваясь и не уменьшаясь» [34]. Эта мысль могла быть руководящей и для Гегеля. Правда, в этой ранней логике Гегель еще не различает, что произошло позже, между количеством вообще (Quantität) и определенным количеством (Quantum); но благодаря количественным измерениям «вовне» и «вовнутрь» уже могла маячить мысль о категориальной паре интенсивной и экстенсивной величин. Здесь также выступает число (Zahl) как центральное количественное определение. Числа, однако, не являются определениями разума, как полагали пифагорейцы,— тезис, которого Гегель с тех пор придерживается; скорее они, подобно всем количественным определениям ранней логики, являются продуктами конечной рефлексии.

Хотя гегелевские размышления о количестве позволяют ожидать некантовского изложения отдельных категорий количества, названы, без особых разъяснений, кантовские категории: единство, множество и целокупность. Они, это легко реконструировать, суть продукты полагания, противополагания и синтеза первых двух процедур. Так рождается систематическое разворачивание категорий количества на основе сложного принципа развития категорий, связи первоначальных действий рефлексии или конечного чистого Я.

За полаганием тождества в категориях качества и противополаганием нетождества в категориях количества следует синтез обеих в категориях отношения (Relation). Этот синтез есть действие рефлексии, а равным образом полагания и противополагания. Он остается, как и у Фихте, конечным, так как не снимает в себе противоположные определения. Более того, полагание, которое становится возможным благодаря такому синтезу, является односторонним и вновь с необходимостью вызывает противополагание. Так, в ранней логике, несмотря на наличие синтеза, не устанавли-

вается никакого истинного единства противоположенного. Следование друг за другом категорий отношения (Relationskategorien) — снова кантовское; однако модальные определения включены в них иначе чем у Канта. Первая из возникающих таким образом категорий отношения — это отношение (Verhältnis) «субстанциальности» и «акцидентальности». И здесь мыслится не спекулятивное понятие абсолюта в качестве одной единственной субстанции — в духе Спинозы, но отношение конечной рефлексии, где члены отношения (Relata) положены, соответственно противоположены и при этом существенно отделены друг от друга. Субстанция понимается как постоянно сохраняющееся и длящееся, а акциденции — как меняющиеся; субстанция, далее, есть постоянно действительное, в котором определенные акциденции могут быть, а могут и не быть и, следовательно, приобретать значение только возможных. Так в этом отношении (Verhältnis) модальные определения действительного и возможного остаются необъединенными членами его (Relata).

В то время как в рамках отношения субстанциальности различные акциденции еще положены в одной и той же субстанции, каузальное отношение для Гегеля означает раздвоение в противоположных инстанциях, именно — в причине и в действии. Каузальное отношение есть продукт противополагания как действия конечной рефлексии, которая не в состоянии достичь постижения высшего единства противоположных определений в понятии causa sui (причины самой себя). Что касается причины и вместе с ней также действия как событий, то пусть и недостаточно ясные формулировки Трокслера оказываются уместными в свете модально-логического подхода — когда мыслится нечто случайное, противоположность которого в определенных обстоятельствах в себе возможна; этот момент Гегель отчетливее разъяснит в следующем варианте логики (1804/05 г.).

Третья категория группы отношения (Relationskategorien) — взаимодействие — делается возможной благодаря синтезу, который, однако же, и здесь есть только действие рефлексии. Гегель истолковывает,согласно записи Трокслера, которая, к сожалению, здесь неясна,— взаимное воздействие и становление этого процесса применительно к субстанциям, которые находятся в отношении взаимодействия, как ряд причин и действий, который возвращается к самому себе. Вопрос о том, что здесь сохраняется от кантовского понимания взаимодействия, остается открытым. Гегель трактует взаимодействие как завершающую категорию группы отношения, но делает это по аналогии с фихтевской категорией взимодействия, которая означает отношение вообще (Relation überhaupt). Таким образом, остается принять, что для Гегеля во взаимодействии как третьей категории группы отношения впервые выступает собственная сущность отношения [35].

В конце изложения категорий отношения Трокслер делает пометку: «(сделаны) еще некоторые диалектические замечания», но их он не передает. Очевидно, Гегель здесь, как и в методическом членении логики, употреблял термин «диалектический» в специфическом значении, которое не было понятно записывавшему лекции. Это достойный сожаления пробел в конспективной записи Трокслера. В результате смысл ранней гегелевской диалектики можно прояснить, лишь привлекая к рассмотрению письменные тексты Гегеля 1802 г., относящиеся к ранней логике.

В тексте о *естественном праве,* который уже в ноябре 1802 г. был опубликован целиком, Гегель разъясняет: «То, что отношение (Verhältnis) вообще есть в себе ничто, должна частично разъяснить диалектика, частично же это, в краткой форме, было разъяснено выше» [36]. Verhältnis означает здесь понятое рассудком отношение (verständige Beziehung) и относительное тождество приводимых в соотношение определений (Relata), которые, однако, остаются противопоставленными друг другу, конечными определениями. Диалектика указывает, что такое отношение (Verhältnis) конечных определений не имеет самостоятельного бытия, ему не присуща и истинная значимость. И постольку вовсе не случайно, что Гегель в логике присоединяет к развитию категорий отношения (Relationskategorien) «диалектические замечания»: отношение (Relation) конечных определений со всей очевидностью проявляется как несохраняющееся в себе. Указание на диалектические места в работе о естественном праве касается наброска системы [37], который ориентирован на спекулятивное определение абсолютного как одной-единственной субстанции. Последней принадлежат два основополагающих атрибута, которые понимаются в виде «физической» и «нравственной природы». А здесь уже имплицитно подразумеваются различные, в зависимости от обстоятельств, отношения (Verhältnisse) единого и многого, которые должны быть объединены с абсолютным тождеством субстанции. В этом системном наброске отношение (Verhältnis) также есть «ничто в себе»; онтологически оно принадлежит только к проявлениям абсолютного, предполагает в качестве предпосылки абсолютное и его в-себе бытие. Диалектика доказывает это чисто понятийным образом. Это доказательство осуществляется в логике конечной рефлексии, и, как можно добавить, благодаря указанию на противоречие, в котором чистые конечные определения необходимым образом вступают в отношение (Verhältnis) друг к другу, причем так, что им и их отношению не присущи никакая самостоятельная истина и значимость.

Сходным образом высказывается Гегель о диалектике в «Системе нравственности» (1802/03 г.): «Это бытие уничтожения противоположностей является... чисто негативным, следовательно, оно диалектично, есть познание тождества и чистое снятие определенности» [38]. Диалектика уничтожает самостоятельное пре-

бывание или значение противополагаемых друг другу конечных определенностей; они снимаются и рассматриваются как идеальности, как не реальные и не-истинные содержания рассудка [39]. Диалектика как снятие самостоятельного пребывания и значения конечных определений и их отношений (Verhältnisse) благодаря указанию на противоречие в таких отношениях (Relationen) остается, таким образом, чисто негативной; позитивный результат, достигаемый через отрицание отрицания, еще не нашел своего места среди ранних приоритетов Гегеля.

Первое из дошедших до нас применений диалектики имеется в рукописи Гегеля «Логика, метафизика, натурфилософия» (1804—1805 гг.). Хотя Гегель там уже выходит за пределы негативной диалектики и далее предварительным образом применяет диалектику в универсальном смысле, т. е. распространяя ее на всю систему, здесь имеются также выразительные высказывания, возвращающие назад и соответствующие его специфической ранней диалектике. Гегель, например, заявляет: «Познание как переходящее в метафизику есть снятие самой логики в качестве диалектики или идеализма» [40]. Но так как Гегель в наброске 1804/1805 гг. применяет диалектику также к метафизике и натурфилософии и так как логика здесь больше уже не истолковывается лишь как введение в метафизику, снимаемое в ней, то цитированное высказывание Гегеля, очевидно, характеризует его ранний набросок *логики и диалектики. Эта ранняя логика есть идеализм как принятие* и преобразование фихтеанского теоретического идеализма; и ее метод является диалектическим при развитии противоречивых отношений конечных определений; он, однако, снимается в метафизике.

Ранняя, еще оставшаяся негативной диалектика — в качестве методического развития чистых определений конечной рефлексии или конечного Я в отношениях противоположностей и противоречия — *располагается в контексте второго основополагающего* поворота в гегелевском мышлении, осуществившегося после первого, франкфуртского поворота. Здесь Гегель трактует метафизику как совершенное разумное познание абсолюта и как логику, которая образует введение к метафизике и метод которой является диалектическим. Диалектика изображает парадоксию конечного, которая одновременно означает, что бесконечное есть негативно наличествующее (negative Gegenwart) в конечном рассудке. И уже здесь положение о противоречии ограничено в своем значении конечными определениями; согласно Гегелю, оно не имеет значимости для познания бесконечного и абсолютного. Решающий разрыв с традиционным мышлением и традиционной логикой вследствие этого уже происходит. Благодаря третьему повороту в гегелевском мышлении Гегель впервые жертвует апелляцией к интеллектуальному созерцанию как к высшей познавательной способности (которую ведь трудно обосновать) — в пользу единого методического прогресса разума в познании абсолютного, т. е. в пользу спекулятивной диалектики, которая одновременно схва-

тывает и противоречие, и высшее единство. Могли ли плодотворные прозрения Гегеля относительно диалектического мышления (зрелую форму которого он разработает уже после совершения этих трех основополагающих поворотов в своем развитии) сохраниться без его метафизики абсолютного, — другой трудный вопрос, но рассматривать его можно уже после того, как мы познали мотивы, обусловившие повороты в гегелевском мышлении.

[1] Позволю себе сослаться на более подробное раскрытие этих тезисов в моей книге: Das Problem der Subjektivität in Hegels Logik: Systematische und entwicklungsgeschichtliche Untersuchungen zum Prinzip des Idealismus und zur Dialektik. 2. Aufl. Bonn, 1984. Vgl. auch die Zusammenfassung S. 373 u. folg. (Hegel-Studien; Beih. 15).

[2] Что касается различных гипотез, с помощью которых пытаются объяснить одновременное возникновение метафизика абсолюта у Гегеля и Шеллинга, а также имеющегося здесь обоснования тезиса, согласно которому эту концепцию первоначально набросал Гегель, а Шеллинг принял и переработал ее, то я позволю себе сослаться на работу: Schellings und Hegels erste absolute Metaphysik (1801—1802) / Zusammenfassende Vorlesungsnachschr. I. P. V. Troxler; Hrsg., eingel. und mit Interpr. versehen K. Düsing. Köln, 1988. Vgl. bes. 101—132. — Эта книга содержит также запись текста о логике, из которого взят публикуемый далее отрывок (в переводе); к нему далее будут даны размышления и интерпретации.

[3] Dokumente zu Hegels Jenaer Dozententätigkeit (1801—1807) / Hrsg. H. Kimmerle // Hegel-Studien. 1967. Bd. 53. S. 4.

[4] О вновь открытых оригинальных рукописях см.: *Ziesche E.* Unbekannte Manuskripte aus der Jenaer und Nürnberger Zeit im Berliner Hegel-Nachlass // Ztschr. philos. Forsch. 1975. Bd. 29. S. 430—444. О тексте гегелевского введения и уведомления см.: *Rosenkranz K.* Hegels Leben. B., 1844. S. 190—192. Историко-критическое издание сочинений Гегеля будет публиковать этот текст с оригинальной рукописи Гегеля (издание предполагается) в т. 5, с. 271—275 (издатели М. Баум и К. Р. Майст).

[5] Это уведомление доступно в настоящее время только в качестве фотокопии оригинальной гегелевской рукописи; фотокопия имеется в: *Biedermann G.* Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Köln, 1981. S. 51; оно выйдет в 5-м томе собрания сочинений Гегеля (см. предшествующее примечание).

[6] Игнац Паул Витал Трокслер (Troxler) (1780—1866) — швейцарец; в немецкоязычной духовной истории XIX в. он вовсе не остался неизвестным. Студентом он был учеником и другом Шеллинга. Всю жизнь его связывала дружеская переписка с Варнхагеном фон Энзе. Трокслер — врач и профессор философии; один срок был ректором Базельского университета. Он активно выступал с радикально-демократическими идеями, что неоднократно ввергало его в конфликт с тогдашним швейцарским кантональным правительством. Его запись гегелевской лекции была найдена мною — при дружеском содействии Вернера А. Мозера (Базель), который составил описание архивного наследия Трокслера. Одновременно с этим мною была найдена записанная Трокслером лекция Шеллинга лета 1801 г. — тоже первая запись этой лекции, о которой до сих пор известно.

[7] Briefe von und an Hegel: In 4 Bd. / Hrsg. J. Hoffmeister. Hamburg, 1952—1960; 3. Aufl. Hamburg, 1969. Bd. 1. S. 59.
См.: *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 237—238 (перевод исправлен по оригиналу. — Примеч. перев.). Далее, Гегель хотел погрузиться в «литературную суету» Иена (Там же. С. 237).

[8] Цит. по: Schelling im Spiegel seiner Zeitgenossen / Hrsg. X. Tilliette. Turin, 1974. S. 69.

[9] Der Briefwechsel zwischen Ignaz Paul Vital Troxler und Karl August Varnhagen von Ense, 1815—1858/Veröffentlicht und eingel. durch I. Belke. Aarau, 1953. S. 352.

[10] Ibid. S. 471. Более поздние лекции он не мог иметь в виду, ибо сказано, что «с тех пор» (seither) «пути (Шлоссера и Трокслера) разошлись» (Ibid. S. 352).

[11] *Rosenkranz K.* Op. cit. S. 161.

[12] Цит. по: *Marquardt H.* Henry Crabb Robinson und seine deutschen Freunde. Göttingen, 1964. Bd. I. S. 84.

[13] Об отсутствии данных, подтверждающих, что названные лекции были прочитаны, см.: Dokumente zu Hegels Jenaer Dozententätigkeit. S. 78.

[14] См.: Hegel in Berichten seiner Zeitgenossen / Hrsg. G. Nicolin. Hamburg, 1970. S. 39.

[15] См.: Der Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe / Hrsg. P. Stapf. B.; Darmstadt, 1960. S. 805 u. folg. Vgl.: Dokumente zu Hegels Jenaer Dozententätigkeit. S. 84 u. folg.

[16] Цит. по: *Marquardt H.* Henry Crabb Robinson... S. 84 (текст отредактирован).

[17] Так, Киреевский следующим образом описывает стиль чтения лекций Гегеля в Берлине: «Он говорит неразборчиво, кашляет при каждом слове, проглатывает половину говоримого, а вторую половину едва выговаривает дрожащим плаксивым голосом» — цитируется по переводу А. Гулыги: Hegel an Kirejewskij / Ein unbekannter Brief mitgeteilt von A. Gulyga // Hegel-Studien. 1984. Bd. 19. Ср. разъяснения А. Гулыги: Ibid. S. 47 u. folg.

[18] Ср. издание в: Shelling und Hegels erste absolute Metaphysik. S. 67—71.

[19] Впервые благодаря новой датировке рукописи Гегеля «Logik, Methaphysik, Naturphilosophie» от 1804/1805 гг. оказалось возможным точно определить последовательность иенских набросков Гегеля по логике. По вопросу о новой датировке см.: *Kimmerle H.* Zur Chronologie von Hegels Jenaer Schriften // Hegel-Studien. 1967. Bd. 4. S. 164 u. folg.

По вопросу о реконструкции концепции и структуры ранней логики 1801/1802 гг. см.: *Idem.* Das Problem der Abgeschlossenheit des Denkens: Hegels «System der Philosophie» in den Jahren 1800—1804. 2. Aufl. Bonn, 1982. S. 48 u. folg. (Hegel-Studien; Beih. 8).

По вопросу о систематическом значении ранней логики см.: *Lugarini L.* Hegel dal mondo storico alla filosofia. Rom, 1973. P. 89 e seg. Cf.: Prospettive hegeliane. Rom, 1986. P. 40 e seg. Vgl.: *Baum M.* Zur Methode der Logik und Metaphysik beim Jenaer Hegel // Hegel in Jena / Hrsg. D. Henrich, K. Düsing. Bonn, 1980. S. 120 u. folg., Das Problem der Subjektivität... S. 76 u. folg.: Schellings und Hegels erste absolute Metaphysik. S. 157 u. folg.

[20] Vgl.: *Rosenkranz K.* Op. cit. S. 191 u. folg.; *Biedermann G.* Georg Wilhelm Friedrich Hegel. S. 51.

[21] См.: *Hegel.* Gesammelte Werke. Hamburg, 1968. Bd. 5. S. 263; vgl. dazu auch S. 275; vgl. eine andere Auffassung bei M. Baum: *Baum M.* Zur Methode der Logik... S. 123 u. folg.

[22] См.: *Rosenkranz K.* Op. cit. S. 190 u. folg.; *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 5. S. 272 u. folg.

[23] Ср.: *Rosenkranz K.* Op. cit. S. 156 u. folg. «Contradictio est regula veri, non contradictio falsi» — противоречие — правило истины, отсутствие противоречия — правило лжи. Ср. также гегелевское высказывание в статье о «Скептицизме» (1802): «Так называемое положение о противоречии столь же мало содержит истину относительно разума, даже и в формальном его применении, что, напротив, каждое положение разума, относящееся к понятиям, должно содержать в себе нарушение (Verstoss) его» (*Hegel.* Gesammelte Werke. Hamburg, 1968. Bd. 4. S. 208). Следовательно, Гегель решительно требует — вопреки попыткам, начавшимся со времени Розенкранца, изобразить гегелевскую логику вполне совместимой с классическими логическими аксиомами — нарушать закон противоречия благодаря разуму и спекуляции. К вопросу о принятых Гегелем метафизических основаниях, как их излагает автор данной статьи, см.: Identität und Widerspruch: Untersuchungen zur Entwicklungsgeschichte der Dialektik Hegels // G. Metafis. N. S. 1984. Vol. 6. P. 324 e. seg.

[24] Troxler-Nachschrift. S. 1; Vgl.: Schellings und Hegels... S. 63; vgl. zur Interpretation. S. 157 u. folg.

[25] Vgl.: *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 236, auch S. 100; Wissenschaft der Logik / Hrsg. G. Lasson. 2. Aufl. Leipzig, 1934. T. 2. S. 253 (*Hegel.* Gesammlte Werke. Hamburg; Düsseldorf 1981. Bd. 12. S. 44.) По проблеме защиты

Кантом своей позиции в этом вопросе см.: *Reich K.* Die Vollständigkeit der Kantischen Urteilstafel (1932). B., 1948.

[26] *Rosenkranz K.* Op. cit. S. 190 (*Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 5. S. 272). По вопросу о более поздней гегелевской концепции системы см.: *Motroschilowa N. W.* Die Dialektik des Systemprinzips und des Systemprinzip der Dialektik in der Hegelschen «Wissenschaft der Logik» // Hegels Wissenschaft der Logik: Formation und Rekonstruktion / Hrsg. D. Henrich. Stuttgart, 1986. S. 54 u. folg.

[27] См. ранее в тексте на с. 13. Ср.: Schellings und Hegels... S. 71.

[28] Весь. См.: «Вера и знание»: Весь каркас этого теоретического идеализма — «не что иное, как конструкция логических форм», (*Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 400).

[29] В записи Трокслера эта мысль о неопределенном соединена с кантовской теорией непознаваемости вещи в себе и, следовательно, с кантовскими ограничениями, налагаемыми на познание. Непознаваемо для рассудка, следовательно, неопределенное; обусловленному, конечному познанию доступно определенное (см. выше в тексте с. 10).

[30] *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 17.

[31] См., например, такое указание на начало при рассмотрении категории бесконечности: «Ибо ничто, или пустота, равно чистому бытию, которое, подобно этому, есть пустота, и оба при этом имеют непосредственно в них самих как противоположность нечто, или определенное», а отсюда возникает качество (*Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 7. Hamburg, 1971. S. 33. Vgl.: Ibid. S. 34). По вопросу о начале «Науки логики» см.: *Henrich D.* Anfang und Methode der Logik // Ders: Hegel im Kontext. Frankfurt a. M., 1971. S. 73—94.

[32] В троичности, имеющейся у Канта внутри каждой категориальной группы, Гегель усматривает «зародыш спекулятивного» (*Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 335).

[33] Никакие различающиеся качественные свойства не определяют объекта, а потому не определяют и «никакие различия (Differenz) объективного». Имеющееся в рукописи Трокслера применение этой идеи к различным наукам остается неясным по своей аргументации.

[34] Kants gesammelte Schriften / Hrsg. von der Preuss. (Dt.) Akad. Wiss. B., 1910 ff. Bd. 4. S. 541.

[35] «Rekapitulation», как это названо в примечаниях на полях (см. выше в тексте и далее), весьма примечательно и не соответствует предшествующему изложению Натурфилософские разъяснения, взятые, например, из подготовленного к тому времени габилитационного сочинения «Об орбитах планет» (De Orbitis Planetarum) (1801) — о материи вообще, о силах притяжения и отталкивания, а также о точке и линии, пространстве и времени под углом зрения тождества и нетождества — предполагают учение о категориях и собственно логику в качестве предпосылки. Их системный статус неясен; в собственном гегелевском обзоре о них нет и речи; см.: *Rosenkranz K.* Op. cit. S. 190 u. folg.; *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 5. S. 271 u. folg.

[36] *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 446. В дополнение к последующим рассуждениям позволю себе рекомендовать мою работу: Das Problem der Subjektivität... S. 93—108.

[37] *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 432 u. folg.

[38] *Hegel.* Schriften zur Politik und Rechtsphilosophie / Hrsg. G. Lasson. 2. durchges. Aufl. Leipzig, 1923. S. 446.

[39] Один пассаж в «Vorlesung über die Methode des akademischen Studiums» (1803) Шеллинга можно понять как указание на раннюю гегелевскую логику и диалектику. Шеллинг пишет там: «Чистое учение об искусстве философии», а именно логике, есть «диалектика». И о ней же немного ранее: «Без диалектического искусства нет научной философии; уже его замысел — представить все в качестве единого, притом в формах, которые принадлежа вначале рефлексу, уже, однако, выражают перво-знание (Urwissen) — есть тому доказательство. И вот на этом отношении спекуляции к рефлексии покоится диалектика» (*Schelling.* Sämtliche Werke / Hrsg. K. F. A. Schelling. Stuttgart; Augsburg, 1856—1861. Bd. 5. S. 269, 267). Шеллинг не развивает здесь собственную концепцию логики; его набросок логики задуман иначе — в диалоге «Бруно» (1802). Он

дальше и говорит, что логика, о которой шла речь, «еще не существует» (Bd. 5. S. 269). И о диалектике в таком значении он не пишет ни в произведениях того времени, ни в более поздних сочинениях. Значит, эти высказывания правомерно отнести к Гегелю, ибо их смысл и терминология прямо возникают из гегелевской ранней логики. Конечная рефлексия пытается в отношениях конечных определений имитировать разум и его познание абсолютного тождества. Диалектика указывает на противоречия, имманентные этим отношениям. Уничтожая в конечных определениях и их отношениях претензию на значимость, она одновременно обретает отношение к спекуляции.

[40] *Hegel.* Gesammelte Werke. Bd. 7. S. 127.

# ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

*А. Ф. Грязнов*

В этом году исполняется сто лет со дня рождения австрийского философа Людвига Витгенштейна (1889—1951), одного из крупнейших мыслителей XX в.

Рукопись под названием «Лекция об этике» представляет собой подготовительный материал, использованный Витгенштейном для одного из выступлений в Кембриджском университете в 1929 или 1930 г. Хотя она написана на английском языке, в ней заметны грамматические конструкции родного автору немецкого языка. Впервые данная рукопись была опубликована в 1965 г.[1]

«Лекция об этике» прежде всего интересна читателю тем обстоятельством, что очень характерна для времени, когда во взглядах Витгенштейна на различные философские и мировоззренческие вопросы происходили существенные перемены. В этом плане «Лекция» сопоставима с двумя другими текстами переходного периода, а именно с «Некоторыми замечаниями о логической форме» (1929) и «Философскими заметками» (1930). Что же касается собственно этической проблематики, то интерес к ней сложился у Витгенштейна задолго до «Лекции». Одним из важнейших источников его этической позиции явилась венская литературно-эстетическая критика (К. Краус и др.), в центре которой стояла проблема различения подлинных произведений искусства, как бы находящихся в «этическом измерении», и утилитарных произведений, обладающих лишь фактическим содержанием. Большое влияние оказали на Витгенштейна идеи таких мыслителей, как С. Киркегор и А. Шопенгауэр, которые в начале XX в. стали весьма популярны в среде австрийской интеллигенции. С другой стороны, Витгенштейну импонировало мировосприятие таких поэтов, как Р. М. Рильке, Г. фон Гофмансталь и Г. Тракль, у которых он мог уловить близкое ему «удивление по поводу существования мира». Витгенштейна глубоко поразило также умение Л. Н. Толстого передавать важное моральное содержание не в пространных